Проверено 1953 г.

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 38

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На варѣ исторіи Н. К. Рериха.

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

947
К 26
8166/38

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 38.

1054/37

А. Н. Бенуа. Выходъ Императрицы Екатерины II.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

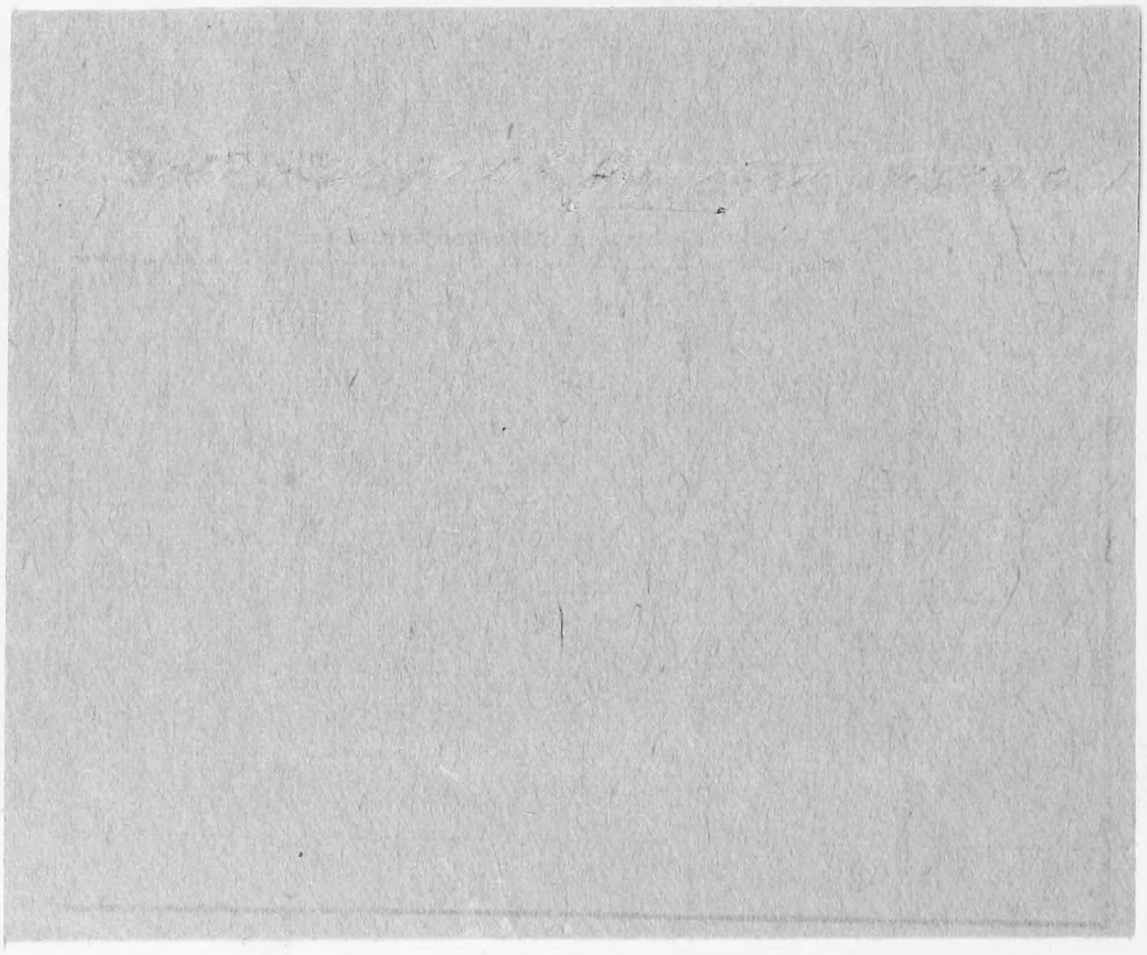
Каталог

ПРОВЕРКА 1950

3-й Лен. Гос. Пед. Ин-т БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

2
4819-38

5632



Тво Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

1912.

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

День императрицы Екатерины II

(Къ картинѣ А. Н. Бенуа. «Торжественный выходъ императрицы Екатерины II».)

На картинѣ изображенъ торжественный выходъ императрицы Екатерины II въ одинъ изъ счастливыхъ дней ея царствованія, столь пышнаго, богатаго событіями, полнаго блеска, торжественности, побѣдныхъ ликованій, прошумѣвшаго «на весь свѣтъ», заставившаго русское общество, всю Россію, «почувствовать свою международную силу».

Пришла вѣсть о новой побѣдѣ русскаго оружія. Привезены изъ арміи отбитые турецкіе бунчуки и знамена. Назначенъ во дворцѣ большой пріемъ и торжественное молебствіе. Пышныя залы Царскосельскаго дворца наполнились придворными и высшими чинами имперіи. Распахнулись двери изъ внутреннихъ покоевъ въ Картинный залъ *) и начался Высочайшій выходъ. У дверей замерли часовые кавалергарды въ своихъ богато украшенныхъ страусовыми перьями блестящихъ шлемахъ и въ серебряныхъ латахъ съ золотыми орлами на груди. Прослѣдовали чины двора, пажи пролагаютъ дорогу, и вотъ появляется сама императрица, окруженная блестящей свитой, среди которой на цѣлую голову выше всѣхъ вздымается великолѣпная фигура блестящаго «князя Тавриды». Церемоніймейстеръ съ жезломъ въ рукахъ представляетъ государынѣ офицера, привезшаго изъ арміи трофеи и счастливую вѣсть. Вѣстникъ побѣды пожалованъ къ рукѣ. Присутствующіе тор-

---

*) Огромный Картинный залъ Царскосельскаго дворца двухсвѣтный и занимаетъ всю ширину зданія. Онъ отдѣланъ позолотой и лѣпкой въ стилѣ эпохи Людовика XV. Плафонъ потолка изображаетъ Олимпъ. Стѣны покрыты картинами, собранными большею частью еще при Елисаветѣ Петровнѣ. Двѣ печи нѣмецкихъ изразцовъ стоятъ у продольныхъ стѣнъ зала. (На картинѣ видна одна изъ этихъ печей). Великолѣпныя зеркала украшаютъ простѣнки между окнами. Изъ оконъ открывается видъ въ паркъ.

жественнымъ низкимъ поклономъ привѣтствуютъ «Семирамиду сѣвера». Все затихло и, затая дыханіе, ловитъ милостивыя слова государыни, обращенныя къ офицеру, привезшему знамена и почтительно склонившемуся къ рукѣ императрицы. Но въ этой тишинѣ нѣтъ страха. Императрица Екатерина, живая и жизнерадостная отъ природы, обладала счастливымъ талантомъ сѣять кругомъ радость и веселье. «Нельзя быть величественнѣе, любезнѣе и снисходительнѣе, чѣмъ она» (т.-е. императрица),— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ графиня Головина. — Какъ только она появляется, всякій страхъ исчезаетъ, уступая мѣсто почтительности и полной преданности. Точно всѣ хотятъ сказать: «я вижу ее, я счастливъ, она наша мать и опора».

«Когда государыня изволила итти въ предшествіи придворнаго штата...—пишетъ современникъ,—она имѣла на себѣ ленты св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую брилліантовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный генералъ-адъютантъ и вахмистръ кавалергардовъ, за нею вся царская фамилія...» «Передъ выходомъ раздробленное на отдѣленія общество двигалось, волновалось подобно какой-либо ярмаркѣ, и соединеніе смѣшанныхъ разговоровъ производило необыкновенный гулъ; но одно слово гофмаршала при растворенныхъ дверяхъ: «ш-ш!» налагало удивительную тишину. Тогда являлось взору что-то величественное, плѣнительное, превосходящее смертныхъ и достойное всѣхъ троновъ міра—Екатерина, въ русскомъ платьѣ съ тремя на немъ звѣздами, съ крупными брилліантами на головѣ... шествовала... Она привѣтствовала иностранныхъ министровъ. Ожидавшіе представленія мужчины становились тутъ при всемъ собраніи на колѣна, цѣловали у нея руку, а во внутреннихъ покояхъ подводимы были дамы...»

Высочайшее шествіе медленно слѣдовало вдоль зала. Императрица ласково улыбается и время отъ времени бросаетъ привѣтливое слово, то одному, то другому изъ находящихся въ залѣ. Когда она дойдетъ до господина, стоящаго съ развернутымъ листомъ бумаги, этотъ человѣкъ—піита—преклонитъ колѣно и подастъ императрицѣ торжественную оду въ честь событія, въ которой еще и еще разъ громкими стихами возславлена «храбрость непобѣдимыхъ Россовъ», счастье «великія Екатерины», «сломившей рога упорной лунѣ Магомета». Милостивая улыбка, драгоцѣнный перстень будутъ наградой піитѣ, а ода его, отпечатанная въ Сенатской типографіи, будетъ раздаваться народу вмѣстѣ съ реляціей о побѣдѣ...

Пышные, торжественные пріемы и выходы были, впрочемъ, при Екатеринѣ не очень часты, такъ какъ тяготили императрицу, предпочитавшую скромный, строго размѣренный, аккуратный укладъ жизни шуму и блеску торжественныхъ выходовъ и пріемовъ.

Обычные дни жизни Екатерины II отличались большой простотой и отсутствіемъ всякой церемоніальности. Многіе изъ ея близкихъ и придворныхъ жили куда роскошнѣе, чѣмъ императрица. Придворные расходы къ концу царствованія Екатерины не превышали двухъ милліоновъ рублей въ годъ, при чемъ въ счетъ этой суммы входило, кромѣ содержанія двора и такихъ дворцовъ какъ Царскосельскій, Петергофскій и Зимній, жалованье всѣхъ служащихъ, театральные расходы, содержаніе охоты, конюшенъ, даже обычные и неизбѣжные подарки драгоцѣнными вещами шли на счетъ этой суммы. Если сопоставить сумму этихъ расходовъ съ той, которая соотвѣтственно тратилась французскимъ королевскимъ дворомъ при Людовикѣ XV, то окажется, что одна конюшня обходилась французскому королю дороже, чѣмъ русской императрицѣ содержаніе всего ея двора.

Въ серединѣ XVIII вѣка придворный бюджетъ французскаго короля колебался между 32 и 36 милліонами франковъ ежегодно, т.-е. разъ въ 7 или 8 превосходилъ бюджетъ Екатерининскаго двора! Дѣло въ томъ, что штатъ двора, которымъ довольствовалась Екатерина, сравнительно съ дворомъ Людовика XV былъ очень невеликъ: двѣнадцать камергеровъ, столько же камеръ-юнкеровъ и фрейлинъ—вотъ почти и весь штатъ придворныхъ русской императрицы, тогда какъ свиту короля Франціи составляли до 4000 человѣкъ придворныхъ чиновъ, не считая королевской гвардіи, достигавшей до 10000 человѣкъ. Такъ какъ штатъ Екатерины II былъ очень немногочисленъ, то тѣмъ болѣе добивались чести принадлежать къ нему. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, былъ уже полнымъ генераломъ, когда получилъ званіе камергера и былъ страшно радъ этому отличію. Всѣ, занимавшіе эти завидныя должности, исполняли свои обязанности съ большимъ усердіемъ и аккуратностью. Фрейлина Бибикова, получившая въ видѣ исключенія позволеніе жить не во дворцѣ, а дома со своей больной матерью, никогда не пропускала дней своего дежурства и даже въ день большого наводненія въ 1777 году пріѣхала во дворецъ на лодкѣ.

Екатерина обращалась съ своими фрейлинами какъ съ дочерьми. Узнавъ разъ, что у фрейлины Потоцкой, недавно назначенной ко двору, нѣтъ жемчуговъ, императрица на костюмированномъ балу, когда Потоцкая была наряжена молочницей, опустила ей въ кружку драгоцѣнное колье, такъ что фрейлина не замѣтила. Когда она спохватилась, увидя подарокъ, и въ замѣшательствѣ пролепетала, обратившись къ императрицѣ: «Это Вы... это Ваше Величество?!» Екатерина улыбаясь сказала: «Нѣтъ же, это молоко свернулось!» Но за непослушаніе и за карикатуры, чѣмъ особенно любили заниматься среди придворной молодежи, виновныхъ строго наказывали... розгами. Не менѣе шаловливы были и пажи, набалованные тѣмъ, что остроумныя выходки сходили имъ легко съ рукъ, если заставляли императрицу смѣяться, но за шалости серьезныя они платились серьезно. «Любимая забава наша была,—разсказываетъ одинъ бывшій пажъ Екатерины,—таскать патроны у караульныхъ... Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ, что иногда случалось, тотчасъ патронъ вытащенъ изъ сумы и летитъ въ каминъ. Эти хлопушки насъ забавляли, хотя за это насъ и больно наказывали...»

Натянутой чопорности, того придворнаго этикета, которымъ славились западно-европейскіе дворы, особенно австрійскій, французскій, испанскій и англійскій, при дворѣ Екатерины совсѣмъ не было и не чувствовалось и, конечно, прежде всего потому, что сама императрица не терпѣла никакой натянутости и принужденности вокругъ себя и сама не умѣла надолго принимать вида чинной и холодно-гордой повелительницы.

Жизнерадостная и веселая, она цѣнила бодрость душевную выше всего. «Надо быть веселой,—писала она въ одномъ письмѣ близкой ей дамѣ.—Только это помогаетъ намъ все превозмочь и перенести. Говорю Вамъ по опыту, потому что я многое превозмогла и перенесла въ жизни. Но я все-таки смѣялась, когда могла, и клянусь вамъ, что и въ настоящее время, когда я несу на себѣ всю тягость моего положенія, я отъ души играю, когда представится случай, въ жмурки съ сыномъ и очень часто безъ него. Мы придумываемъ для этого предлогъ, говоримъ: это полезно для здоровья! но, между нами будь сказано, дѣлаемъ это просто, чтобы подурачиться». И Екатерина играетъ въ жмурки даже на склонѣ дней, когда ужъ поженила внука и несла на плечахъ бремя 65 лѣтъ.

Внѣ оффиціальныхъ церемоній, которымъ она всегда стремилась придать какъ можно болѣе блеска, императрица всегда была очень проста, доступна, избѣгала стѣснять окружающихъ и всего этого умѣла достигать, ни въ чемъ не поступаясь своимъ достоинствомъ, своимъ высокимъ положеніемъ. Торжества и пріемы ей въ тягость, свое положеніе тогда она сравниваетъ съ состояніемъ зайца, котораго травятъ борзые. И даже освобождаясь отъ надоѣдливой свиты придворныхъ, слѣдовавшихъ за ней по пятамъ, императрица чувствовала себя неловко среди той роскоши, которой она сочла нужнымъ обставить свои дворцы. «Я хорошо устроилась,—говорила она,—меня окружаетъ множество роскошныхъ и замѣчательныхъ вещей, которыми все полно вокругъ, но для меня все это совершенно ненужно и непригодно. Я похожа на того киргизскаго хана, которому покойная императрица Елизавета пожаловала домъ въ Оренбургѣ, а онъ велѣлъ поставить себѣ на дворѣ юрту и жилъ въ ней. Такъ и я предпочитаю свой уголъ...»

Обстановка внутреннихъ покоевъ императрицы Екатерины въ Зимнемъ дворцѣ была гораздо скромнѣе домашней обстановки многихъ вельможъ того времени. День императрицы начинался сравнительно очень рано. Она просыпалась около семи часовъ утра и, обыкновенно, никого не тревожа, сама одѣвалась и сама растапливала каминъ, въ который съ вечера клали дрова. Одѣвшись въ бѣлый гродетуровый капотъ и водрузивъ на голову, всегда нѣсколько на бекрень съ наклономъ влѣво, легкій бѣлый флеровый чепецъ, императрица шла въ кабинетъ, куда ей подавали чашку такого крѣпкаго кофе, что у непривычныхъ людей, которымъ случалось попробовать кофе государыни, кружилась голова и начиналось сердцебіеніе; императрица прихлебывала маленькими глотками кофе и разбирала бумаги, загодя принесенныя и положенныя на столъ секретаремъ, дѣлала отмѣтки, писала письма и записки, изрѣдка отрываясь отъ работы, чтобы приласкать двухъ левретокъ, которыхъ очень любила и которыя даже спали у ней въ спальнѣ, а теперь вертѣлись около всероссійской самодержицы, ожидая ласки и подачки. Къ девяти часамъ утра она снова входила въ спальню, которая тѣмъ временемъ была уже приведена въ порядокъ. Здѣсь императрица садилась за одинъ изъ двухъ приставленныхъ плотно одинъ къ другому фигурныхъ столика съ выгибами по срединѣ у крайнихъ бортовъ; у каждаго выгиба стоялъ стулъ, обитый бѣлымъ штофомъ. Императрица выбирала обыкновенно мѣсто у

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

стѣны близъ двери въ парадную уборную, звонила въ колокольчикъ и, когда входилъ дежурный камердинеръ, стоявшій обыкновенно безотлучно у входа, привѣтливо здоровалась съ нимъ и приказывала звать докладчиковъ.

Къ этому времени въ парадной уборной находились уже оберъ-полицеймейстеръ, статсъ-секретари и тѣ изъ высшихъ чиновъ, кому въ этотъ день полагалось дѣлать докладъ государынѣ объ управляемомъ имъ дѣлѣ.

Первымъ входилъ обыкновенно оберъ-полицеймейстеръ и кратко докладывалъ о благосостояніи столицы, о разныхъ происшествіяхъ, о цѣнахъ на съѣстные припасы и т. п. Затѣмъ появлялись по очереди статсъ-секретари. Каждый входившій дѣлалъ государынѣ низкій поклонъ, она отвѣчала легкимъ наклономъ и, повернувъ голову характернымъ для нея поворотомъ подъ прямымъ угломъ, съ улыбкой подавала вошедшему руку для поцѣлуя и говорила: «Садитесь!» Сѣвъ противъ императрицы, докладчикъ клалъ на выгибной столикъ принесенныя имъ бумаги и начиналъ свой докладъ. Императрица внимательно слушала, въ неясныхъ мѣстахъ останавливала докладчика, требовала разъясненій, предоставляя ему полную свободу возражать, и если не убѣждалась его доводами, то оставляла спорныя бумаги у себя и на слѣдующее утро до прихода докладчика внимательно прочитывала все то, что возбуждало у ней сомнѣніе или казалось неяснымъ. Къ старости Екатерина стала близорука, читала бумаги и книги держа надъ ними увеличительное стекло или надѣвала очки—инструментъ, который она очень не жаловала. Резолюціи на бумагахъ она писала крупнымъ твердымъ почеркомъ, очень четкимъ и яснымъ, но частенько съ орѳографическими ошибками. Прекрасно овладѣвъ русской рѣчью, Екатерина до конца дней не сладила съ русскимъ произношеніемъ и съ русской грамматикой. «Ты не смѣйся надъ моей русской орѳографіей,—сказала она разъ своему секретарю,—я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ въ Россію, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Но покойная императрица Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: «Полно ее учить, она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это самое—причина, что я плохо знаю правописаніе».

По окончаніи доклада статсъ-секретарей, приглашались остальныя лица, кому было назначено. Въ 12 часовъ пріемъ пре-

кращался, къ императрицѣ входилъ ея парикмахеръ Козловъ и причесывалъ ея великолѣпные волосы, которые въ распущенномъ видѣ падали ниже колѣнъ, по старинной модѣ, зачесывая кверху и оставляя небольшія букли позади ушей. Затѣмъ императрица выходила въ парадную уборную, гдѣ всѣ, докладывавшіе въ этотъ день, дожидались ее. Она садилась передъ роскошнымъ золотымъ туалетомъ, парикмахеръ заканчивалъ прическу, накладывая на голову небольшую флеровую наколку. Это все продолжалось не болѣе четверти часа. Императрица въ это время разговаривала съ окружающими и съ внуками, которыхъ къ этому времени приводили къ ней поздороваться. Потомъ, раскланявшись со всѣми, своимъ характернымъ мужскимъ поклономъ на три стороны—прямо, направо и налѣво, что она дѣлала всякій разъ и когда входила къ ожидавшимъ ее, императрица въ сопровожденіи своей камерфрау Перекусихиной уходила въ спальню, гдѣ одѣвала шелковое платье, сшитое большею частью однимъ фасономъ, такъ называемымъ—молдаванскимъ: верхнее было, обыкновенно, лиловое или дикое, а подъ нимъ бѣлое. Драгоцѣнностей обыкновенно императрица никакихъ не надѣвала. Кромѣ Перекусихиной въ спальню входила иногда и придворная шутиха, нѣкая Матрена Даниловна, особа, впрочемъ, очень разумная, обладавшая очень длиннымъ и очень злымъ языкомъ. Она забавляла императрицу своими злыми шутками и болтовней, изъ которой Екатерина узнавала обо всемъ, что говорятъ при дворѣ и въ городѣ, всѣ сплетни, всѣ розсказни.

До обѣда, который назначался обыкновенно около двухъ часовъ дня, императрица снова занималась дѣлами или писала. Къ обѣду въ будніе дни приглашались только самыя близкія лица, и обѣдъ продолжался не болѣе часа. Императрица отличалась большой воздержанностью въ пищѣ и питьѣ, никогда не завтракала и не ужинала и къ кушаньямъ была очень невзыскательна. Въ числѣ придворныхъ поваровъ былъ одинъ древній старикъ, который отъ старости позабылъ свое ремесло и угощалъ иногда императрицу самой невозможной стряпней. Не разъ гофмаршалъ предлагалъ императрицѣ уволить этого повара, но всякій разъ это предложеніе отклонялось императрицей. Когда наступала очередная недѣля этого повара, императрица смѣясь говорила приглашеннымъ: «Мы теперь на діэтѣ, надобно запастись терпѣньемъ, зато хорошо поѣдимъ слѣдующую недѣлю!» Императрица Екатерина держала у себя исклю-

чительно русскихъ слугъ и обращалась съ ними всегда очень привѣтливо и ласково, легко извиняла недостатки и промахи. Старые слуги пользовались этой добротой, просто привыкали къ ней и позволяли себѣ иногда выходки довольно грубоватыя, что только забавляло императрицу. Особенно ворчливъ былъ старикъ Поповъ, завѣдывавшій кабинетомъ императрицы и «кладовой», гдѣ хранились драгоцѣнности.

О немъ и его грубоватыхъ выходкахъ стараго балованнаго слуги сохранилось множество разсказовъ. Разъ императрица, хватившись какой-то бумаги, долго искала ее у себя на бюро и никакъ не могла найти. Наконецъ, она позвала Попова и велѣла ему искать, упрекнувъ его, вѣроятно, что это онъ, убирая кабинетъ, засунулъ куда-нибудь нужную бумагу.. Поповъ молча началъ перебирать бумаги, которыхъ было всегда многое множество на письменномъ столѣ Екатерины.

Государыня тоже молча, но явно досадуя, нетерпѣливо ходила по кабинету. Поповъ, не находя бумаги, началъ ворчать на ту тему, что государыня сама куда-нибудь засунула бумагу, потому что въ кабинетъ никто посторонній не входитъ, украсть некому и т. д. Екатерина разсердилась и сказала Попову, чтобы онъ ушелъ, что она сама найдетъ, что ей нужно. Старикъ ушелъ. Государыня стала перебирать листъ за листомъ вороха бумагъ и, наконецъ, нашла нужную бумагу. Тогда она послала за Поповымъ. Но тотъ сказалъ: «Зачѣмъ я къ ней пойду, когда она меня прогнала!» Императрица опять послала звать его. Поповъ опять отказался итти. «Скажите ему, что я больше не сержусь, уговорите его прійти!» приказала государыня. Наконецъ, старикъ, нахохлившись, сердитый появился въ кабинетѣ. «Бумага нашлась,—сказала ему императрица,—прости меня, Алексѣй Семенычъ, это я виновата».—«Вотъ вы такъ часто отъ торопливости нападаете на другихъ,—наставительно замѣтилъ старикъ;—Богъ васъ проститъ, я на васъ не сердитъ!»

Одна изъ камеръ-юнгферъ императрицы забыла разъ приготовить ей воду для умыванья, да и сама гдѣ-то замѣшкалась. Государыня долго ее дожидалась, а когда та, наконецъ, явилась, то вмѣсто разноса услыхала такую нотацію: «Скажи, пожалуйста, что жъ ты думаешь навсегда у меня во дворцѣ остаться? Вспомни, что тебѣ надо выходить замужъ, а ты не хочешь исправиться отъ своей безпечности. Вѣдь мужъ не я; онъ съ тебя построже будетъ взыскивать. Право, поду-

май о будущемъ и привыкай заранѣе быть аккуратной въ исполненіи своихъ обязанностей». Дворнѣ легко сходили съ рукъ и проступки, иногда очень серьезные. Какъ-то въ Царскомъ Селѣ императрица, прогуливаясь, увидѣла, что лакеи тащутъ куда-то опрометью изъ дворца, оглядываясь, точно опасаясь погони, ананасы, персики, виноградъ—все цѣлыми горами наваленное на фарфоровыя блюда; государыня сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ похитителей и только сказала спутницамъ: «Хоть бы блюда-то мнѣ оставили!»

Послѣ обѣда всѣ приглашенные немедленно разъѣзжались, а императрица удалялась къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ кто-нибудь изъ приближенныхъ читалъ ей иностранную почту или книги, а она въ это время разсматривала камеи, дѣлая съ нихъ восковые или бумажные слѣпки, или вязала на длинныхъ деревянныхъ спицахъ одѣяла и фуфайки для своихъ внуковъ. Когда чтенія не было, она занималась своими литературными трудами, писала письма или дѣловыя бумаги. «Я не могу дня провести не поцисавъ!—говорила Екатерина удивлявшимся обилію письменнаго матеріала, выходившаго изъ-подъ ея пера. Только однихъ литературно-научныхъ трудовъ осталось послѣ нея столько, что двѣнадцать увѣсистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ труды императрицы, изданные Академіей Наукъ, еле вмѣщаютъ на своихъ страницахъ ея обильное литературное наслѣдіе. И чего-чего только нѣтъ въ этихъ томахъ: тутъ и автобіографія, и мемуары, и комедіи, и трагедіи, историческіе и философскіе опыты, статьи по педагогикѣ, этнографіи, языковѣдѣнію, статистикѣ, сатирическія произведенія, юридическія изслѣдованія. Но особенно много писала она писемъ: если бы собрать и напечатать ея переписку такимъ же изданіемъ, какъ напечатаны ея сочиненія, навѣрное получилось бы еще столько же такихъ же толстыхъ томовъ.

Оригинальнаго въ этихъ многочисленныхъ упражненіяхъ пера, впрочемъ, немного—больше все передѣлки, подражанія, компиляціи: все плоды усиленнаго чтенія, желанія и самой создать нѣчто такое же, умное и совершенное, какъ прочитанныя книги, а не естественное произведеніе прирожденнаго литературнаго таланта. Литературные труды императрицы, дошедшіе до насъ на русскомъ языкѣ, прошли, конечно, черезъ руки одного изъ ея секретарей,—особенно со стороны орѳографической и стилистической. Для своихъ литературныхъ упражненій императрица перечитала бездну книгъ, начиная отъ древ-

нихъ русскихъ лѣтописей, до самоновѣйшихъ произведеній модныхъ европейскихъ, преимущественно французскихъ, философовъ, ученыхъ и публицистовъ. При хорошей памяти и воспитанномъ умѣньи усвоивать прочитанное, она усвоивала чужія мысли такъ прочно, что онѣ начинали казаться ей своими и какъ свои ложились въ основу ея литературныхъ упражненій. Какъ памятникъ литературно-художественный, сочиненія императрицы Екатерины представляютъ изъ себя мало интереснаго. Въ этомъ смыслѣ царственный авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ читаютъ мало. Но для историка ея времени, сочиненія императрицы—великолѣпный матеріалъ, по которому можно представить себѣ, что въ тогдашней литературѣ захватывало умы, чѣмъ интересовались, что читали, а главное, какъ читали, понимали и усвоивали прочитанное наиболѣе образованные и умные люди той эпохи.

Въ шесть часовъ вечера императрица по длинной галлереѣ проходила изъ Зимняго дворца въ Эрмитажъ—свое любимое вечернее мѣстопребываніе. Къ этому времени въ пріемные покои Эрмитажа, увѣшанные картинами величайшихъ мастеровъ кисти, наполненные великолѣпными произведеніями искусства, чудной мебелью, коллекціями серебра, фарфора, монетъ и медалей, собирались лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору. Эти вечернія собранія въ Эрмитажѣ дѣлились на большія, среднія и малыя. На большія собранія приглашалась вся знать и иностранные послы.

Въ Эрмитажномъ театрѣ давалась какая-нибудь опера или шло драматическое представленіе, иногда принадлежавшее перу самой императрицы. Сама государыня оперу, вообще музыку, не очень жаловала и откровенно сознавалась, что ничего не понимаетъ въ музыкѣ и обыкновенно просила сидѣть возлѣ себя кого-нибудь изъ понимающихъ и цѣнящихъ музыку, чтобы такой знатокъ во время далъ ей знакъ, что слѣдуетъ аплодировать. Послѣ спектакля начинались танцы, а затѣмъ подавали ужинъ. Во время танцевъ императрица садилась играть въ карты и во время игры оставалась все той же радушной, привѣтливой, веселой, разговорчивой хозяйкой, предпочитая проигрывать, а не выигрывать, чтобы не причинить неудовольствія гостямъ. Одинъ изъ ея постоянныхъ партнеровъ— гр. Строгоновъ, былъ страстный игрокъ и необычайно волновался, когда проигрывалъ. Разъ онъ такъ разгорячился, когда ему не везло, что бросилъ карты, вскочилъ со стула и, бѣгая по ком-

натѣ, почти крпчалъ по адресу императрицы: «Съ вами, Ваше Величество, играть нельзя! вамъ легко проигрывать, а мнѣ каково? Такъ и нищимъ остаться недолго!..» Одинъ изъ новыхъ гостей испугался и всплеснулъ руками. «Не пугайтесь,—спокойно улыбаясь, сказала императрица,—тридцать лѣтъ все та же исторія!» Успокоившись немного, Строгоновъ опять присѣлъ къ карточному столу, и игра продолжалась, какъ будто ничего не случилось.

Среднія Эрмитажныя собранія отличались отъ большихъ тѣмъ, что были менѣе парадны и менѣе многолюдны. Зато малыя собранія составлялись только изъ самыхъ близкихъ и коротко извѣстныхъ императрицѣ людей и походили больше на дружескія вечеринки, чѣмъ на придворныя ассамблеи. Приглашеніе на малое собраніе считалось знакомъ исключительной милости. Начинались эти собранія обыкновенно тоже небольшимъ концертомъ или театральнымъ зрѣлищемъ, по окончаніи которыхъ гости могли заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ. На время собранія у входа вывѣшивались правила, въ которыхъ можно было прочитать, что гостямъ запрещается вставать передъ императрицей, даже когда она подходила къ гостю и стоя разговаривала съ нимъ; запрещалось быть въ мрачномъ настроеніи духа, оскорблять другъ друга, говорить о комъ бы то ни было дурно. Приказывалось забыть прежнія распри и ссоры, и рекомендовалось оставить ихъ въ передней вмѣстѣ со шпагой и шляпой; запрещалось лгать и говорить вздоръ. Виновныхъ въ нарушеніи этихъ правилъ присуждали къ штрафу въ 10 копѣекъ за каждую провинность или заставляли декламировать наизусть, не зѣвая, отрывки изъ Телемахиды В. К. Тредьяковскаго. На этихъ собраніяхъ не признавали никакого этикета, и вообще соблюдалось полное равенство. Вечеръ проходилъ въ литературныхъ спорахъ, въ разговорахъ о новостяхъ въ мірѣ наукъ и искусствъ; тутъ поощрялись и сыпались, какъ изъ рога изобилія, остроты, стихотворные экспромты, каламбуры. «Здѣсь австрійскій посолъ Кобенцель блисталъ своей неистощимой веселостью, англичанинъ Фицъ-Гербертъ тонкимъ, изысканнымъ умомъ, Потемкинъ своей оригинальностью, благодаря которой онъ всегда казался новымъ и своеобразнымъ, даже въ нерѣдкія для него минуты тоски и мечтательности... Когда разговоръ случайно замиралъ — выступалъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Нарышкинъ и своими словечками и выходками, носившими нѣсколько шутовской характеръ, вызывалъ непзмѣнно

общій хохотъ и шутки...» Лѣтомъ эти собранія происходили въ Царскомъ въ великолѣпной Камероновой галлереѣ.

Когда гости утомлялись отъ умныхъ разговоровъ, начинались обыкновенно игры: въ фанты, лото, въ веревочку, въ жмурки, а на святкахъ непремѣнно гадали. Императрица была руководительницей всѣхъ этихъ забавъ и игръ, одушевляя общество своимъ умомъ и жизнерадостной веселостью. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій ея была такъ называемая «литературная игра», состоявшая въ томъ, что кто-нибудь изъ гостей, взявъ листъ бумаги, писалъ какую-нибудь фразу, заключавшую въ себѣ болѣе или менѣе остроумный вопросъ или парадоксальное положеніе, а остальные собесѣдники должны были одинъ за другимъ, не приготовляясь и не раздумывая, развивать или опровергать написанное. Уставали отъ игръ—садились за карты, и случалось, что къ императрицѣ, прерывая ея игру, обращались съ напоминаніемъ, что она не исполнила своего фанта. «Что же я должна сдѣлать?—спрашивала она покорно. «Велѣно вамъ сѣсть на полъ!»—«Для чего же нѣтъ?»—и императрица при веселомъ хохотѣ всѣхъ опускалась торжественно на паркетъ. Въ 11-мъ часу вечера императрица обыкновенно покидала собраніе и удалялась на покой.

На масленницѣ и на святкахъ компанія малаго собранія каталась на тройкахъ или попросту съ горъ.

Такъ шелъ обычный день императрицы Екатерины II. Простота ея личной жизни, веселая непринужденность, доброта, съ какой она относилась къ людямъ, та доля просвѣщеннаго интереса, которую она вносила въ общественность, создавали ей необыкновенную симпатію и любовь окружающихъ, которые стремились быть лучше, чтобы угодить императрицѣ. Быть можетъ въ этомъ добромъ впечатлѣніи, которое она лично производила на всѣхъ приближавшихся къ ней, и надо искать причину тѣхъ восторговъ, того неподдѣльнаго чувства умиленія, которое такъ полно отразилось въ запискахъ современниковъ, своихъ и чужихъ, близко знавшихъ Екатерину, и которое сказывается даже въ народныхъ воспоминаніяхъ о ней. Матушка Екатерина—долго послѣ смерти была живымъ воспоминаніемъ; и о томъ, что хорошо и дурно, въ народѣ и обществѣ долго еще судили, прикидывая переживаемое настоящее на мѣрку Екатерининскаго прошлаго.

Личной обаятельности ея надо приписать, что сравнительно такъ легко современники мирились съ тяжелыми явленіями

жизни въ ея царствованіе, далеко не легкое и во многомъ совсѣмъ не радостное. Все же за ея царствованіе тяжелыми трудами народа подъ ея видимымъ руководствомъ были достигнуты очень крупные результаты. «Русскіе при Екатеринѣ, — говоритъ В. О. Ключевскій, — почувствовали себя не только людьми, но и чуть не первыми людьми въ Европѣ. За это не ставили ей въ счетъ ни ошибокъ ея внѣшней политики, ни неудобствъ внутренняго положенія, ни поступковъ съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ или Новиковымъ, поступковъ, недостойныхъ ни ея ума, ни сана...»

Важнѣйшая литература: *С. Н. Шубинскій*, Историческіе очерки и разсказы; *А. Г. Брикнеръ*, Императрица Екатерина II; *В. О. Ключевскій*, Императрица Екатерина II; Записки Императрицы *Екатерины II;* Записки *А. В. Храповицкаго.* Записки *А. М. Грибовскаго; К. Вишневскій.* Романъ Императрицы.

5632

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Новая цена
Руб. — коп. 08

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-38

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуем какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавори посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

1494